

СКАЖИТЕ, ДОКТОР

Ведущий рубрики - доктор Шагвич

Истории от доктора

Отделение

— Доброе утро, коллеги! — заведующая отделением Светлана Александровна Бондаревская вошла в кабинет деловой и энергичной походкой женщины, знающей себе цену, и ожидающей того же и от окружающих. Лицо её светилось неизменной доброжелательной улыбкой человека, у которого в жизни всё хорошо, а иначе и быть не могло. Выглядела она, как всегда, неотразимо: лёгкий, почти незаметный макияж, свежий накрахмаленный халат с легкомысленным вырезом на груди и удивительный запах духов, её особенный запах, от которого веяло несбыточными мечтами о дальних странах и романтической любви, — Семён Львович, докладывайте, что у нас сегодня по плану.

— Доброе утро, Светлана Александровна, — молодой человек всегда слегка робел в присутствии заведующей, стараясь скрыть «мужской» взгляд в разрез халата, — сегодня приняли тридцать семь человек. Четыре первобеременные, две возрастные, три на двенадцатой неделе и одна в позднем сроке по медицинским показаниям. Анестезиолог женщин осмотрел и дал всем добро.

— Отлично. Спасибо. Значит так: Ольга Николаевна, Вы поговорите ещё раз с первобеременными, может кого-то ещё удастся переубедить. Семён соберёт подписи о согласии на операцию, и начнём ровно в девять. У меня своих сегодня две. Сколько у Вас, Ольга Николаевна?

— Четыре. И я возьму женщину в позднем сроке, — старший ординатор отделения была немолодой грузной женщиной, дорабатывающей пару лет до пенсии. Она была не очень здорова, медлительна и слегка старомодна, зато её опыт и деловые качества ещё послевоенной закалки были бесценны и востребованы в этом особенном отделении.

— Хорошо. И пусть коллега с Вами поприсутствует и поучится. Первобеременных тоже делайте вместе с ним. А оставшиеся, Семён Львович, сколько их там, около тридцати, Ваши. Я на подстраховке, если что. Всё, пошли работать. Отчёт за день, как всегда, в три. Кстати, мне принесли настоящий бразильский кофе, попьём вместе на передаче смены. И конфеты «Птичье молоко» где-то лежат. Так что, пошпикуем.

Светлана Александровна стала заведующей централизованным городским отделением прерывания беременности всего несколько месяцев назад, когда новая клиника только вступила в строй. Придумал, инициировал и пробивал открытие этого необычного подразделения, а также решал все организационные вопросы по его созданию лично Сергей Анатольевич Бондаревский — главный гинеколог областного управления здравоохранения. Такое отделение запускалось в работу впервые в стране. В конце восьмидесятых это был очень рискованный эксперимент и большая ответственность, но новаторство давало хорошие перспективы и возможные преференции в случае успеха. Это отделение являлось его первым собственным детищем, на которое возлагались большие надежды «родителя».

Нет, коллеги Бондаревские не были ни супругами, ни родственниками, хотя все и всегда почему-то так считали. Просто однофамильцы и очень хорошие давние друзья, ещё с институтских времён, когда их тоже, наверное, сочтя за родственников, распределили в одну группу. Тогда все даже подтрунивали над ними, что мол выйди Светка за Сергея замуж, то и фамилию менять не пришлось бы. Да и жених он был завидный. Родители — профессора в институте со всеми

вытекающими возможностями и привилегиями: квартира в центре, новая «Волга», дача за городом. Полный набор жениха для любительниц удобной жизни и хорошего распределения. Но Света тогда совершенно не обращала внимания на длинного худого интеллигентного юношу в очках, который в её присутствии робел, начинал что-то бессвязно мямлить, краснеть и смущаться. Одна из самых привлекательных девушек на курсе могла позволить себе выбирать поклонников и воздыхателей не только из студентов, но и принимать знаки внимания от значительной части преподавателей института мужского пола. Сама Светлана была из обычной учительской семьи, приехала поступать из маленького провинциального городка, с неба ей никогда и ничего в руки не падало, и всего в жизни приходилось добиваться самой. Своими силами, умом и нередко, чего уж греха таить, женской привлекательностью со всеми вытекающими. А неуклюжего и малопривлекательного молодого человека, несмотря на все возможные блага, не считала пределом своих девичьих мечтаний и карьерных надежд.

Ходили слухи о её благосклонности ко вниманию некоторых высокопоставленных преподавателей института, вплоть до мужа самого ректора — заведующего военной кафедрой, но толком никто ничего не знал. А жена Цезаря, как известно, вне подозрений.

Годы учёбы пролетели быстро, наступило время распределения по местам будущих трудовых подвигов и профессиональных свершений. После института Сергей ожидаемо сразу поступил в аспирантуру на кафедру акушерства и гинекологии, а Светлана, получившая ту же специальность, хоть и могла остаться в городе, ей обещали и даже сверху предлагали неплохое место, но она неожиданно для всех вдруг решила пойти в народ и отправилась на пару лет в какой-то отдалённый районный центр. Поговаривали, что уехала она в глушь как декабристка по большой и страстной любви, внезапно вспыхнувшей к одному женатому хирургу из районной больницы в какой-то «Гьмутаракани», но все подробности тогда остались за кадром. Однако через несколько лет она вернулась в родной город. Со следами «боевых ранений» и слегка притухшим взглядом, но не сломленная и такая же красивая и гордая, как всегда. И вскоре была, хоть и без особых усилий, но всё же и не без влиятельных рекомендаций старинных поклонников, зачислена в клиническую ординатуру на ту же самую кафедру акушерства и гинекологии медицинского института. Бывшие сокурсники и однофамильцы снова встретились. Правда Сергей, уже ставший кандидатом наук и доцентом, был женат и, казалось, благополучен и счастлив. Выяснилось, что Света тоже успела за это время в своей «ссылке» выйти замуж и даже развестись. А в настоящий период в личной жизни скользила в опасном и непростом слаломе между несколькими мужчинами, которые, впрочем, не играли решающей роли в её дальнейших планах на жизнь. Судьба её потрепала, многому научила, но не сломила. Быть красивой и одновременно сильной женщиной — нелёгкая доля.

Заведующий кафедрой акушерства и гинекологии мединститута профессор Холодных, корифей и светила советской науки, ученик самого Цовьянова, благоволил по-стариковски Светлане, и после окончания ординатуры через два года оставил перспективную девушку ассистентом у себя на кафедре. К тому же симпатичное женское личико рядом с заведующим никогда кафедре не мешало. Через пару месяцев она начала под его руководством писать кандидатскую, преподавать студентам и считалась в клиническом роддоме неплохим хирургом-акушером.

Сложности начались, когда кафедру принял профессор Жестяков — молодой, амбициозный с далеко идущими планами. Он «вырос» на глазах у сотрудников из обычного аспиранта до заведующего за необычно короткий срок, даже как-то незаметно для всех. Из

невысокого, занудного и почти неприметного очкарика-тихони превратился во властного и не терпящего инакомыслия руководителя. В бытность его предшественника он числился обычным доцентом, каких много, и не входил в круг людей, которых на кафедре уважали и к которым тянулись. Его не звали в компании, не приглашали на посиделки и загородные пикники сотрудников. В общем, в «элитарный клуб» на кафедре он не входил. Иногда молодой человек пытался оказывать робкие знаки внимания Свете Бондаревской, но всё как-то невнятно и неопределённо. То ли пытался ухаживать, то ли делал вид, но серьёзно это не воспринималось. Нередко случалось, что над ним даже подтрунивали и по этому поводу, да и вообще. А он, казалось, не обращал ни на что внимания и тихо без устали трудился. Писал научные статьи, делал доклады на конференциях, готовил собственный учебник – короче, собаки лают – караван идёт. Как он стал заведующим, толком никто не понял, но кандидатуру молодого учёного приняли в ректорате без колебаний, поставив сотрудников кафедры перед свершившимся фактом.

Став шефом, он не простил Светлане её не всегда уважительного и должного отношения к нему, не говоря уже об ущемлённом мужском самолюбии, и... нет, он не уволил её с кафедры. Жестяков сделал хуже и по-своему иезуитски: сначала отменил тему диссертации девушки, как не соответствующую направлению современного научного развития, и дал совершенно новую. Тем самым она потеряла три года работы и практически законченную кандидатскую, не говоря уже о потраченной уйме сил и нервов. Затем её перестали ставить в график в операционной и не давать дежурства в родзале. А вскоре забрали почти все часы преподавания в студенческих группах, поставив на замены заболевших или для работы с неуспевающими.

– Светка, тебе надо срочно что-то решать. Так больше продолжаться не может, – Сергей Бондаревский, хоть и числился ведущим доцентом кафедры и относился к когорте «неприкасаемых», но с новым шефом тоже общий язык не нашёл и потому, к сожалению, Светлане помочь ничем не мог. Открытых конфликтов между ним и Жестяковым не возникало, но в операционной он тоже был не частый гость. Хотя, по правде сказать, Сергей всегда тяготился практической работой, стараясь больше времени уделять науке и преподаванию. Там проявлялись его сильные стороны. Он был очень любим студентами, молодыми аспирантами и ординаторами, на его интересные и яркие лекции всегда собиралась полная аудитория. Но вот с новым заведующим кафедрой не сложилось. Разное воспитание, разный путь наверх, разные характеры. Поэтому предложение министерства здравоохранения в своё время занять престижную и весомую должность главного гинеколога области принял с радостью, закрепив за собой через ректорат работу на полставки на прежнем месте, продолжая при этом преподавать и заканчивать докторскую. Вступать в открытое противостояние с профессором Жестяковым он не решался. Тем более из-за Светы. Зачем?

На кафедре они были всегда очень дружны. Иногда Сергея даже казалось, что он по-прежнему испытывает какие-то чувства к бывшей сокурснице, и, как раньше, начинал теряться, оставаясь с ней наедине. Но он был из тех несмелых в подобных делах мужчин, которые никогда не могут решиться на первый шаг. И, тем ни менее, всё происходящее с подругой воспринимал близко к сердцу и искренне ей сопереживал. Вызов к заведующему кафедрой в конце рабочего дня не

предвещал ничего хорошего, но, может, будет возможность наконец-то поговорить. Света приготовилась ко всему. И была удивлена присутствием Сергея в кабинете.

– Я знаю, слышал, что Вы, Светлана Александровна, недовольны сложившейся ситуацией с вашей профессиональной карьерой и даже часто высказываете свои претензии среди коллег вслух, – профессор Жестяков говорил как всегда сухо, тихо, без интонаций, не глядя в лицо собеседника, – не хорошо обсуждать своего начальника, да ещё и за его спиной. Однако, я не в обиде. Мы тут посоветовались с коллегами и решили, что смена места Вашей профессиональной деятельности пойдёт всем на пользу. И в первую очередь Вам. К тому же, вот Сергей Анатольевич как главный областной специалист хотел бы сделать Вам предложение, от которого невозможно отказаться. Да я бы и не советовал, – он улыбнулся одними губами, а глаза по-прежнему выражали холодное опасное безразличие, – ну, что ж, оставлю Вас одних, коллеги, можете поговорить наедине и всё обсудить. Всего доброго. Надеюсь, Светлана Александровна, Вы примите разумное решение. Уходя, не забудьте выключить свет и закрыть за собой дверь.

Он вышел, не повернувшись, а в комнате воцарилась напряжённая тишина.

– Светка, в общем, тут такое дело: короче, он предлагает тебе позволить защититься со старой диссертацией в ближайшие месяцы, – Сергей выдохнул и сделал небольшую паузу, чтобы дать переварить услышанное, – мешать не будет, но, при условии..., что ты уходишь с кафедры. По собственному желанию и без скандала. Знаешь, мне кажется, в сложившейся ситуации это просто праздник невиданной щедрости с его стороны. Даже не верится. Через месяц ты – кандидат наук! Но главное, у меня есть идея, куда тебя устроить. Пойдёшь заведующей отделения в новый роддом на Планетарке?

– Постой, а не предлагаешь ли ты мне, друг любезный, идти в отделение абортёв?! Ты с ума сошёл?! – Светлана кричала не выбирая слов. – Предатель! Я от тебя такого не ожидала. За моей спиной всё решили? А меня спросить забыли? Друг называется! Да я там на одних абортах через полгода с тоски удавлось! Я врач, хирург, а не мясник! Я хочу роды принимать, а не убивать детей!

– Успокойся и пойми. Это шанс, – Сергей не покраснел, как обычно в её присутствии, и даже не стал заикаться, – он тебя всё-равно выдавит с кафедры. Но без защиты диссертации, без звания. И без рекомендаций. И что тогда? Опять в районную больницу делать те же самые абортёв, но по колено в навозе! А тут – новое отделение в только что построенном роддоме. Главный там – классный мужик. И хирург отличный. Я с ним поговорю, ты с ним сработаешься. Пару лет погорбатишься в абортарии, а потом... Эх, Светка, да через два-три года, когда себя проявишь, тебе место заведующей нормальным отделением гарантировано. А то и главным врачом. С защищённой кандидатской это намного проще. Да и я помогу, что я не друг что ли?! Решайся. Завтра он может передумать. А сейчас он мне это лично предложил. Значит трусит и заинтересован, чтобы всё решилось по-быстрому и тихо, без скандала и огласки. А идти с ним на абортёв я бы не стал. Небезопасно. У него серьёзные связи на самом верху, у тебя в борьбе с ним нет шансов. Да и я помочь не смогу. Подумай и решайся. Поверь, принять моё предложение – это будет правильный выбор.

Старший ординатор отделения прерывания беременности Ольга Николаевна Ургалова никогда не была особенно честолобива. Звёзд она с неба не хватала, но хорошо знала своё дело. Ей пришлось изрядно побегать, чтобы получить врачебное место в этом отделении. Помогло давнее знакомство с матерью главного врача Коломоева. Отделение абортёв – место особенное, всё-таки без

дежурств и операционной нервотрепки в её возрасте – это привилегия. Да и пару лишних рублей со стороны были никогда не лишними. Спаси мир доктор уже не стремилась и спокойно дорабатывала оставшиеся два года до пенсии. На неё можно было всегда положиться и доверить любое дело с уверенностью, что она его сделает до конца. Без полёта мысли и изобретения колеса, но и не делает. Просто и эффективно, от «а» до «я». Не больше, но и не меньше. Именно такой человек нужен был Светлане Александровне в отделении. Помощник, которому можно было довериться с абсолютной уверенностью, что всё будет исполнено и никто не будет болтать о происходящем в отделении на весь мир.

Сегодня Ургалова пребывала в хорошем настроении. Четыре блатные, то есть по личной договорённости, значит сорок рублей сверху. Четыре рубля из них – в общую копилку на расходы в отделении, четыре – медсёстрам, восемь – анестезиологам, остальные себе. Что ж, двадцать четыре рубля за один день – это неплохо. К тому же, позитивный настрой добавляло то, что ей всё-таки удалось отговорить эту молоденькую первобеременную девочку из пединститута. Поговорили по-матерински, как женщина с женщиной, даже всплакнули вместе. Девочка всё рассказала как матери, и она убедилась её оставить ребёнка. Для себя. Не для того подонка, который бросил беременную девушку. А для себя, и ради жизни этого маленького человечка, появившегося у неё там, внизу живота. Остальных переубедить не удалось. Жаль. Она ещё поговорила с женщиной в позднем сроке, рассказала как всё пройдет и успокоила как могла. Затем позвала интерна, поручила продолжить подготовительный обход, а сама отправилась завтракать.

Семён Львович или просто Сеня в прошлом году с успехом закончил медицинский институт по специальности «акушерство и гинекология». Распределение он получил, как и полагается без блата и с его пятой графой, в отдалённый районный центр, а сейчас проходил подготовительную интернатуру на базе нового роддома. Мальчик был толковый и исполнительный, и главный врач направил его в помощь заведующей отделением Светлане Александровне.

Попадание в группу по специальности акушерство и гинекология было случайным. Вообще-то, Семён все институтские годы мечтал стать только полостным хирургом. Работал медбратом в гнойной хирургии, активно занимался в студенческом кружке, постоянно вращался на кафедре. Но, на его еврейское счастье, в том году на эту специальность дали из министерства всего десять мест. И это на шестьсот выпускников. Так что получилось двадцать человек на место, и конкурс таким образом оказался даже среди блатных. Профессор, заведующий кафедрой хирургии, сразу честно сказал, что шансов у него нет и пусть он не теряет время и подаёт заявление куда-нибудь ещё, а не то трубить ему по остаточному принципу участковым терапевтом какой-нибудь районной больницы.

Мир Семёна рухнул в одночасье. Представить себя вне хирургии он не мог, да и не хотел. Казалось, любая другая специальность – это и не медицина вовсе. Но тут вмешалась его мама, женщина мудрая и дальновидная, и посоветовала попробовать поступить в акушерство и гинекологию.

«Нет ничего прекраснее, чем иметь право присутствовать при самом священном действии на этом свете – рождении нового человека, – мама, учитель литературы, была не лишена патетики, – да и оперировать там распрекрасно можно».

Конкурс на гинекологию был тоже не самым весёлым: восемь человек на место. А, если не считать блатных, то и все двенадцать.

На собрании кафедры по распределению были составлены три списка: в первом – те, кого зачислили сразу и без собеседования: блатные, комсомольские деятели и «афганцы». Во втором – резерв, на случай, если останутся свободные места. Ну, а третий – для тех, кто сумеет выжить в случае, когда на первые две группы упадёт атомная бомба и все погибнут, освобождая места. То есть, без каких-либо шансов вообще. Семёна определили в третью. Земля разверзлась у него под ногами в очередной раз. Но... не поглотила. Он понял, что терять уже нечего, участковым терапевтом он станет всегда, и внезапно, в самом конце мероприятия, попросил слово.

«Извините меня за прямоту, но я вообще-то не хочу быть гинекологом. И никогда не хотел. Но я мечтаю оперировать. В хирургию я не попал, а у вас ведь тоже можно делать операции. Пожалуйста, возьмите меня».

В президиуме сотрудники кафедры, да и активные комсомольцы в зале, все пренебрежительно засмеялись, зашумели и не обратив на его демарш внимания, стали собирать бумаги, закрывая собрание.

«Уважаемые коллеги. А знаете, мне нравится этот парень. Первый за весь вечер, кто решился сказать правду. А то я тут болтунов, которые гинекологию «любят больше жизни», наслушался предостаточно, аж уши болят. Как хотите, а я беру этого правдолюбца в свою группу сверх нормы», – тон и бас профессора Судовича – человека с заслуженным военным и профессиональным прошлым, заместителя заведующего кафедрой, не предполагал возражений. Так Семён, закончив институт, стал на время интернатуры начинающим врачом-гинекологом в отделении абортотерапии.

Сегодня он обошёл, как обычно, всех женщин, собрал подписи, ещё раз объяснил ход операции и ровно в девять стоял в операционной. Система их работы называлась «ромашкой». Так они сами придумали, назвав особое расположение кресел, образующих круг. Внутри «цветка» перемещался врач-анестезиолог с медсестрой и делал одновременно внутривенный наркоз нескольким женщинам. А снаружи работали гинеколог с операционной сестрой, выполнявшие всё необходимое.

Начинали день с «личных» пациентов заведующей отделением. Она быстро оперировала «своих, приближённых к императору», и уходила. Затем «своих» работала доктор Ургалова. Всех оставшихся оперировал Семён. Иногда двадцать человек, иногда до сорока. Бывали дни, когда в городе с почти двухмиллионным населением в день производилось до семидесяти прерываний беременности. Тогда подключались все коллеги, иногда даже приходилось вызывать сотрудников из других отделений. Но такое случалось, к счастью, нечасто.

Многом после аборта ставили внутриматочные спирали. Бесплатные советские. Или финские медные за деньги – тем, кто мог себе позволить. Однажды главврач Коломоев привёз с симпозиума из-за границы две сотни венгерских спиралей – это был праздник. А ещё он договорился со спонсорами где-то в Китае о доставке трёх тонн презервативов, и их раздавали всем женщинам после аборта бесплатно. Каждой по пять штук.

Осложнения в отделении случались, но крайне редко. Коллектив был хоть и небольшой, но работали дружно, не собачились и давали каждому немного заработать. Всё было хорошо организовано, и работа, несмотря на тяжёлую психо-эмоциональную составляющую, доставляла удовольствие. Кто-то же должен делать и эту работу. Со временем появились «блатные» и у Семёна Львовича. Но не часто и не много. Да и он старался не злоупотреблять, не выпирать и не светиться. А больше наблюдать и учиться.

Ваш доктор Шавич

Продолжение в следующем номере